

> МАГИСТРАЛЪ >

В. Э. ШВАБ

Галлант

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ш33

V. E. Schwab
GALLANT

GALLANT © 2022 by Victoria Schwab

Перевод с английского языка *Елены Николенко*

Иллюстрация на обложке *Виктории Лебедевой*

Шваб, В. Э.
Ш33 Галлант / В. Э. Шваб ; [перевод с английского
Е. Николенко]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. —
(Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-187536-7

Оливия Приор живёт в школе для девочек-сирот. Она не может говорить, зато умеет видеть призраков. Всё, что осталось у неё от семьи, — дневник матери и загадочное предостережение: держись подальше от Галланта.

Всё меняется, когда Оливия получает письмо от давно потерянного дяди, который зовёт племянницу домой. Кажется, её мечты сбылись... но когда Оливия прибывает в особняк Приоров, там её никто не ждёт. Дядя мёртв уже год. Кузен хочет, чтобы она ушла. А по коридорам особняка бродит призрак матери, и Оливия хочет знать, что убило её. Кто звал девочку домой. И почему мать не хотела, чтобы Оливия приезжала сюда, в родовое поместье Приоров, имя которому — Галлант...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-187536-7

© Е. Николенко, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Тем, кто ищет врата,
в ком хватит смелости их отворить,
а порой хватит духа создать собственные*

Хозяин дома стоит у садовой стены. В центре длинной каменной изгороди — железная дверь, запертая на засов. Меж дверью и камнем есть узкая щель, и когда ветерок дует в нужном направлении, он приносит сладкий, будто дыня, запах лета и тепло далекого солнца.

Сегодня ветерка нет.

И луны нет, но все же сад залит лунным светом, что падает на истрепанные в клочья полы плаща и блестит на просвечивающих сквозь кожу костях.

Он ведет рукой по стене, ища трещины. Следом ползут упрямые усики плюща и, будто пальцы, заглядывают в каждую. Вот неподалеку вырвался на свободу камешек, упал на землю, и в щели показался кусочек чужой ночи.

Виновница, полевая мышка, карабкается по стене, а потом прыскает вниз, перескакивая через ботинок хозяина. С ловкостью змеи господин ловит ее одной рукой. Он склоняется к трещине. Смотрит белесыми глазами на ту сторону. На другой сад. Другой дом.

Мышь извивается в его ладони, и хозяин сжимает ее.

— Тиш... — шепчет он, и голос шелестит, словно воздух в пустой комнате.

Хозяин прислушивается к звукам с той стороны, тихому щебету птиц, ветру, что шуршит в густой листве, далекой мольбе спящего.

Улыбнувшись, берет с земли обломок камня и снова вставляет в стену, где тот замирает в ожидании, будто ждущий своего часа секрет.

Мышка уже не корчится в тесной хватке. Хозяин раскрывает ладонь, но там ничего, лишь горстка пепла, трухи и несколько белых зубов, размером чуть больше зернышек. Он бросает их в истощенную землю; любопытно, что же прорастет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Школа

Глава 1

Дождь барабанит пальцами по садовому сараю. Страние так именуют, но в окрестностях Мериланса нет никакого сада, да и сараем хибарку едва ли можно назвать.

Груда дешевого железа да трухлявой древесины осела набок, будто увядший росток. Пол завален брошенными инструментами, обломками разбитых горшков, окурками ворованных сигарет. Посреди всего этого в ржавой тьме стоит Оливия Прибр и мечтает закричать.

Мечтает превратить боль, исходящую от свежего рдеющего рубца на руке, в шум, опрокинуть сарай, как опрокинула кастрюлю на кухне, когда об нее обожглась. Хлестнуть стены, как жаждала хлестнуть Клару за то, что та оставила плиту включенной, да еще имела наглость хохотнуть, когда Оливия вздохнула и решила не связываться. Слепляющая вспышка боли, раскаленная лава гнева, злость кухарки и поджатые губы Клары, бормочущие: «Ей же не больно, она и не пикнула!»

Оливия придушила бы мерзавку прямо на месте, если бы ладонь не жгло, если бы кухарка не болталась поблизости и не стала бы ее оттаскивать, если бы добилась своим поступком большего, чем минутное удовольствие и недельное наказание. Потому Оливия сделала лучшее,

что могла в тот миг: бросилась вон из душной гробницы, а кухарка рванула следом.

Теперь Оливия прячется в садовом сарае, мечтая устроить шум, подобный грохоту дождя по низкой жестяной крыше, схватить одну из брошенных лопат и колотить по тонким железным стенам, чтоб раздался звон. Но тарарам услышит кто-нибудь другой, придет и отыщет ее в маленьком тайном убежище, и тогда Оливии будет не скрыться. Не скрыться от девочек. Не скрыться от матушек. Не скрыться от школы.

Затаив дыхание, Оливия прижимает горящую ладонь к холодной железной стене и ждет, пока боль утихнет.

Сам по себе сарай вовсе не тайна.

Он находится за школой, за гравийной дорогой, на задворках Мериланса. За эти годы кое-кто из девочек пытался в нем обосноваться, чтобы пить, курить или целоваться тайком, но сбегав туда разок, они больше не возвращались. Говорили, от сарая у них мороз по коже.

Волглая земля, паутина и кое-что еще — жуткое ощущение, от которого волосы встают дыбом, хоть и непонятно почему.

А вот Оливии понятно.

Это из-за мертвой твари в углу. Или того, что от нее осталось. Не совсем призрак, лишь клочок изодранной тряпки, горстка зубов и полусонный глаз, плавающий во тьме. Покосившись, Оливия видит его, он копошится на краю зрения, будто чешуйница, но стоит взглянуть пристальнее — тотчас исчезает. Однако если замереть неподвижно и смотреть строго вперед, не отводя взгляда, тварь отрастит скулу, глотку, приблизится, моргнет, улыбнется и станет невесомой тенью вздыхать рядом.

Конечно, она гадала, кем призрак был прежде, когда у него еще имелись кости и кожа. Глаз парит выше роста Оливии; как-то она заметила край чепца, обтрепавшийся подол юбки и подумала — наверное, это одна из мату-

Часть первая. Школа

шек-наставниц. Впрочем, уже неважно. Теперь она стала гулем, что притаился за ее спиной.

Уходи, думает Оливия, и, наверное, существо слышит ее мысли: оно вздрагивает и снова растворяется во мраке, оставив ее в маленьком сарае одну.

Когда Оливия была младше, она любила притворяться, что это ее дом, а не Мериланс. Будто мама и папа мгновение назад ушли, а Оливию оставили прибраться. Конечно, они вернуться.

Как только дом будет готов.

Тогда Оливия убирала пыль и паутину, складывала черепки горшков и наводила порядок на полках. Но как ни старалась она похозяйничать в маленьком сарае, ей никогда не удавалось вычистить его настолько, чтобы вернуть родителей.

Дом — это выбор.

Эти слова написаны посреди страницы в дневнике матери, а вокруг столько белого пространства, что фраза кажется загадкой. По правде говоря, все, написанное матерью, кажется загадкой, которая ждет, чтобы ее разгадали.

Дождь стихает, звуки его уже не похожи на грохот кулаков, скорее на негромкое редкое постукивание сучающих пальцев. Оливия со вздохом выходит наружу.

Там сплошная серость. Серый день растворяется в серой ночи, тусклый серый свет озаряет серую гравийную дорогу, что огибает серые каменные стены школы Мериланс для девочек.

При слове «школа» обычно воображаешь стройные ряды деревянных парт, шкрябанье карандашей. Обучение... Здесь и правда учили, но образование было лишь поверхностным, скорее практическим. Как чистить камин. Как вылепить из теста буханку хлеба. Как чинить чужую одежду. Как существовать в мире, где твое присутствие нежелательно. Как стать призраком в чьем-то доме.

Мериланс именуется школой, но, по правде говоря, это приют для юных, одичавших и просто невезучих. Осиротевших и никому не нужных. Унылое серое здание торчит, будто надгробный камень, только не в парке среди зеленых просторов, а на краю города, где его окружают другие мрачные и покосившиеся строения, чьи дымоходы хрипло плюются чадом.

У школы нет ни ограды, ни железных ворот, лишь пустая арка, которая словно гласит — «Проваливайте, коли вам есть куда». Но если уйдешь — а девушки время от времени уходят, — назад тебя не примут. Раз в год, а то и чаще, ушедшая стучит в дверь, отчаянно пытаюсь попасть обратно. Так остальные узнают, что мечтать о счастливой жизни и милом доме — это хорошо, но даже мрачный склеп школы лучше, чем улица.

И все же порой Оливию одолевает искушение.

Иногда она смотрит на арку, зияющую подобно разинутому рту в конце гравийной дорожки, и думает: «А вдруг...», «Я могла бы...», «Когда-нибудь...».

Вот как-нибудь ночью она проберется в комнаты матушек, схватит что попадется под руку и сбежит! Станет бродягой, грабительницей поездов, воровкой-форточницей или мошенницей, как в дешевых книжонках Шарлотты, подношениях того мальчишки, с которым однокашница раз в неделю встречается у канавы.

Оливия воображает сотни всевозможных вариантов собственного будущего, но каждую ночь по-прежнему забирается на узкую приютскую койку в переполненной спальне, в доме, который никогда не был родным и не станет. И каждое утро она просыпается на прежнем месте.

Оливия шаркает по двору, ботинки размеренно шуршат об гравий. Она не отрывает взгляда от земли, ища хоть что-то яркое. Иногда, после хорошего дождя, между камнями пробьется пара травинок или на валуне блеснет упрямый мох,

Часть первая. Школа

но эти дерзкие краски недолговечны. А цветы Оливия видела лишь в кабинете директрисы, да и те искусственные, увядшие, шелковые лепестки давно посерели от пыли.

И все же, огибая школу и направляясь к боковому входу, который она нарочно оставила открытым, Оливия замечает желтый штрих. Меж камней пробивается маленький сорный цветок. Она опускается на колени, не обращая внимания на больно впивающийся в них гравий, и осторожно поглаживает крошечный бутон. Оливия уже собирается его сорвать, но вдруг слышит топот башмаков по дорожке и шорох юбок.

Матушка.

Все они похожи одна на другую в своих некогда белых одеяниях с некогда белыми поясами. И все же это не так. У матушки Джессамин натянутая улыбка, будто во рту лимон, у матушки Бет — глубоко посаженные глаза, а под ними мешки; тонкий и писклявый голос матушки Лары смахивает на свист чайника.

А еще есть матушка Агата.

— Оливия Прибр! — запыхавшись, рявкает она. — Что это ты делаешь?

Оливия поднимает руки, хотя знает — толку не будет. Матушка Сара научила ее жестам, и все шло хорошо, но наставница покинула школу. А остальным и дела нет до языка немых.

Теперь неважно, что говорит Оливия. Никто не умеет слушать.

Агата сверлит ее взглядом, будто на лбу у Оливии светится «замышляю побег». Она уже на полпути к матушке, когда та нетерпеливо хлопает в ладоши.

— Где — твоя — доска? — громко и медленно произносит она, будто Оливия глухая.

Но она не глухая. Что же до меловой доски, та вместе с маленькой веревочкой на шею задвинута за банки с вареньем в подвале, где и покоится с тех самых пор, как ее подарили.